А. П. Валицкая

ОБРАЗ РОССИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Работа представлена кафедрой эстетики и этики

Статья посвящена актуальной проблеме становления национального самосознания, которая раскрывается в драматической судьбе образа России в русской культуре. Речь идет о том, как этот образ рождается, живет и претерпевает метаморфозы в социальной практике современности. И сегодня образ Родины оказывается радикальным измерением мировоззренческих ценностных пространств общественного и личностного самосознания. Эти размышления и выводы интересны для культурологов и педагогов, психологов, социологов и политиков.

Ключевые слова: *философия, эстетика, культурология, история русской культуры и эстетической мысли, теория образования.*

A. Valitskaya

IMAGE OF RUSSIA IN NATIONAL SELF-IDENTITY AND EDUCATIONAL PRACTICE

The article is aimed at clarifying the pressing question of forming of national self-identity, which is made evident in the dramatic fate of the 'image of Russia' in the Russian culture. The author analyses the ways and means with the help of which the said image is 'born', lives and goes through different metamorphoses in modern social practice. The 'Motherland image' turns out a radical measurement of present-day Weltanschauung spheres of social and personal consciousness. The major ideas expressed in the article as well as the general argument may be of interest for culture historians, pedagogues, psychologists, sociologists and practical politicians.

Key words: *philosophy, aesthetics, culture, russian culture history, theory of education.*

Сегодня Россия осознает себя в новых социально-политических и экономических условиях, в потребительском обществе, в ситуации радикальной смены ценностных ориентиров. Процессы глобализации, как бы к ним ни относиться, – это реальность, которая влечет за собой, с одной стороны, ускорение и усложнение цивилизационных процессов,

а с другой – таит угрозу нивелировки национальных особенностей культуры. И потому сегодня осмысление возможностей, способностей и целей российского общества, его самоопределение, прояснение оснований национального самосознания оказывается первоочередной задачей философии в ее культурологическом, социально-психологическом, нравственно-эстетическом и антропологическом дискурсах. Надо полагать, что поиск вразумительного ответа на эти вопросы – отнюдь не только философская академическая проблема: он имеет политико-экономический и социально-психологический и общекультурный смысл, поскольку речь идет о стратегии развития страны[1], проекции ее будущего в свете прошлого.

«Вечные» для русской мысли вопросы – «кто мы, откуда, куда мы идем» – насущные проблемы современности. Речь идет о национальном самосознании, о поиске соответствующей ему «национальной идеи», без которой нет общности дела, которая, в свою очередь, есть основа любого государства.

Впрочем, вопрос можно поставить дискуссионно: надо ли вообще сохранять национальное своеобразие, заботиться о самоидентичности культуры, коль скоро идет процесс становления глобального, планетарного человечества? Быть может, эта «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу» принадлежит прошлому, и это не более чем дань культурной традиции, которая подлежит разрушению на новом витке ее истории? А если вообще земное человечество обречено на «номадизм», кочевничество не только на просторах страны, родной планеты, но и в беспредельности космоса? Землянин уже не будет привязан к родному дому, озабочен его хранением, его родиной станет вся планета, подобно тому, как в советские времена пели: «мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». А потом, в постсоветской России, появилось новое социальное явление, обозначенное абравиатурой – «бомж»: лицо без определенного места жительства, существо свободное от благ цивилизации, от обязанностей и долгов, тот, кого не ждут и на кого не надеются. И еще одно новое слово – «мигрант»: небывалая ранее волна переселенцев, бегущих за рубежи своей исконной земли, из горячих точек или в поисках работы – и это общая проблема рубежа веков, актуальная для Европы и Америки, и России.

Попробуем ответить на этот весьма непростой вопрос с двух позиций, рассматривая образ России, с одной стороны, как индивидуальный стереотип[2], а с другой – как константную универсалию национального самосознания.

Образ России, страны, Родины принадлежит аксиосфере культуры, составляет ее ядро, но прежде всего присутствует в индивидуально-личностном сознании каждого из тех, кто именует себя русским, человеком родной культуры, идентифицирует себя с нею. Видимо, именно наличие этого константного образа и есть основание самоопределения личности, обеспечивающее ей, по выражению Д. С. Лихачева, «духовную оседлость», нравственную устойчивость, защищенность, чувство ответственности перед тем, чему принадлежишь. Есть особый интерес и смысл в том, чтобы разобраться, почему и как происходит (или не происходит) укоренение этого образа.

Собственно, если воспользоваться терминологией психоанализа, интерпретированной К. Юнгом, то речь идет об архетипах культуры, в частности об «архетипах коллективного бессознательного», коренящихся в сознании общества и отраженных сознанием каждого. В сознании личности именно этот образ выступает как критерий эстетической и нравственной оценки, как смысл жизни и борьбы, как мотив и оправдание действий и поступков. Этот образ-архетип, как правило, «проговаривается», оформляется, с одной стороны, в текстах философии и искусства, а с другой – в манифестах и лозунгах официальной идеологии. Рубеж этих форм размыт: здесь бытует ангажированное искусство и философия, пафос которых в обосновании самой возможности непротиворечивого совмещения «вечных» ценностей с потребностями момента.

Что же такое национальное самосознание, как и когда оно формируется, какие си-

лы пробуждают или гасят его? Отвечая на эти вопросы, необходимо внимательно всмотреться, с одной стороны, в структуру личности, индивидуального сознания, в тот многомерный текст, который свидетельствует о состоянии его души и мысли, особенно, – мысли о самом себе, а с другой – в структуру общества, его самосознание, отраженное в публицистических, философских и художественных текстах культуры. Иными словами, решить вопрос о том, зачем человеку Россия, что для него Родина, в чем смысл этой потребности. И еще: каким образом возникает, обретается, укореняется, живет и побуждает к действию эта духовно-нравственная ценность.

Обращаясь к структуре общества и отношений между ним и личностью, есть смысл различать понятия, которые обычно употребляются в одном синонимичном ряду: общность, общество, социум. Отметим предварительно, что формируется общественное самосознание внутри каждой из названных взаимообусловленных структур.

Общность – предполагает наличие органичных связей между группами людей внутри одной культуры или между различными культурами, устойчиво корреспондирующими территориально, духовно, исторически, по национальному, языковому или религиозному родству. «Всякая доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь понимается как жизнь в общности. Общество же – это публичность, мир. В общности со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях. В общество же мы отправляемся как на чужбину. …Общность стара, а общество – ново и по сути своей, и по имени»[3].

Общности могут быть традиционными или совсем новыми, такими, которые складываются в дальней экспедиции, внутри учебного заведения[4], в масонской ложе, в профессиональном, научном, творческом содружестве. Это могут быть и «виртуальные» сообщества, братства по духу, такие как всемирное братство поэтов или философов. Здесь отношения развиваются в алгоритмах диалога, взаимопризнания, любви и приязни, открытости и доверия, они живут в пространстве и времени истории.

Общность – семья, племя, нация, религиозная община – консолидируется на близости крови и духа, родства, соседства, любви и дружбы, достоинства и служения, на основании языка, целевых устремлений, на основании общих ценностей, определяющих нормы поведения и способы понимания, стиль мышления и выражения, характер ритуальных и бытовых практик. При всем типологическом разнообразии общностей, одним из важнейших оснований близости оказывается образ Родины, а отношение к ней консолидирует или категорически разобщает людей. При этом оказывается, что этот образ представлен не только как некая пространственно-временная определенность (топохрон), но конкретизирован в практике общности, обозначен тем делом, действием, ради которого общность возникла, живет, которому нравственно *пред-стоит*[5]. И каждый из тех, кто принадлежит общности, исповедует этот образ – символ духовного братства.

Именно в общности совершается становление мировоззренческих и духовно-нравственных констант, которые, подвергаясь коррекции, в принципе, остаются неизменными на протяжении всей жизни человека, составляя ядро личности, определяя ее самоидентичность и судьбу. Надо полагать, что важнейшим свидетельством наличия общности, осознающей свои ценности и цели, оказываются памятники культуры, устное предание и письменные тексты, в которых совершается акт ее (общности) самосознания, отражается образ России, а следовательно, и той эпохи, которая его воссоздает.

Общности, как правило, формируются внутри национальной культуры: это субкультурные или этнокультурные образования. Однако именно мировоззренческие основания, ценностные, целевые ориентиры создают духовную общность людей, даже если они принадлежат к разным социальным группам или национальным культурам. И здесь, на «пограничных территориях», коль скоро общности оказываются территориально близкими, с необходимостью вступают в эконо-

мические, политические, культурные отношения, неизбежно возникает напряжение духовного характера: конфликт, столкновение. Собственно, вся мировая история иллюстрирует множественность попыток выхода из этого конфликта, который, как правило, разрешается силой, военной или экономической, когда побежденная общность вынуждена принять ценности победителей. Однако – и это тоже опыт мировой истории – духовные ценности общностей чрезвычайно устойчивы, они хранятся, вызревают и упрочиваются в памяти поколений, чтобы рано или поздно потребовать реванша[6]. Образ родины рождается в коллективном сознании общности и выступает как центральная, образующая, опорная духовная ценность, образующая и консолидирующая людей.

Общество – наиболее широкое понятие, охватывающее всю многомерность взаимосвязей людей; это система отношений, возникающих и обусловленных совместной жизнью и деятельностью различных общностей, культурой и хозяйством. Понятие «общество» снимает различения национальных, классовых, профессиональных, конфессиональных, гендерных, возрастных или иных характеристик; оно охватывает сколь угодно большие группы внутри страны, акцентирует сходство, нивелирует различия. В многонациональных обществах образ Родины, страны – именно та духовная константа, которая составляет общую, разделяемую всеми общностями, ценность, и в ней аккумулируются центростремительные энергии, делающие общество единым: взаимопонимание, уважение культурного своеобразия народов, суверенность личности, сохранность границ. Принадлежность многонациональной России, инициированная отцами и скрепленная историей, и сегодня оказывается объединяющей силой для республик Российской Федерации: и на Алтае, и на Северном Кавказе, и в Якутии говорят о российском достоинстве: «за державу обидно».

Для обеспечения оснований самого существования общества требуется государство – механизм сохранения условий сосуществования общностей. Его эффективность обеспечивается наличием управленческих, организационных механизмов, совокупность которых предлагается именовать «социумом». (Обычно этот термин употребляют как синоним понятия «общество», однако есть смысл его уточнить.)

В таком смысле *социум* – это искусственное и достаточно механистичное образование внутри общества, возникающее в ходе его развития и обеспечивающее ему самоорганизацию, эффективное функционирование и устойчивость. Это инструмент управления социальным, политико-экономическим и хозяйственным развитием общностей, законодательно регламентирующий их поведение, устанавливающий правовые границы свободы личности. В пределах социума царствует принцип долженствования для общностей и личности, принцип иерархического соподчинения: государство и право, армия и полиция, экономика и финансы, производство и производственные отношения составляют его институциональную инфраструктуру.

Таким образом, понятие «общество» включает множественность общностей, а социум – инструмент, обеспечивающий их сосуществование в пределах государственного объединения. Такое структурное деление (общность, общество, социум) – достаточно условно, однако помогает увидеть то несомненное обстоятельство, что образ Родины в каждом из компонентов оказывается иным.

Социум не формирует ценностей, он использует их как идеологический инструмент (технологию) управления, черпает в общественном сознании или заимствует в иных культурах. В интерпретации социума образ Родины – Отечество, Держава – та верхняя инстанция, ради которой совершаются политические и социальные акции, которую презентирует (замещает) политическая власть, будь то монарх, президент или правительство. Иными словами, происходит иллюзорная, однако чрезвычайно эффективная для власти, подмена ценности инструментом (Россия = государство), отождествление разных по своей природе феноменов[7].

Понятно, что жизнеспособность общества как страны и государства возможна лишь

при наличии согласованности представлений о стране и человеке в ней, образов Родины, сложившихся в общностях, существующих в общественном сознании и предъявляемых социумом в идеологических целях. Действенная государственная идеология – это образ страны, Родины, в котором непротиворечиво сочетаются ценности общностей с идеями и идеалами «общего блага», выдвигаемыми общественным сознанием, а также целевыми установками государственной идеологии, организующими «общее дело», цели и стратегию совместного движения.

«Государство прежде всего – план работ и программа сотрудничества. Оно собирает людей для совместного дела. Потаенная суть нации – из двух ингридиентов: первое – это план совместного участия в общем замысле, и второе – сплочение увлеченных общим замыслом людей» [1, с. 167]. И, конечно же, этот «замысел» может оказаться общим и активно консолидировать общество при наличии в сознании всех, кто в нем сознательно и добровольно участвует, образа Родины, России, ее прошлого, настоящего и будущего.

В этом смысле история России – это история идей о России, история попыток определения тех ценностных констант, которые могли бы дать основания и удержать как целое эту огромную территориально, многообразную и многоликую общность. Примеры тому и предреволюционная формула «православие, самодержавие, народность», и «единый могучий Советский Союз» с его «национальной по форме, социалистической по содержанию» культурой, с его стратегической целью общего дела – строительства коммунизма.

Все три структуры – общество, общность и социум – органично вписаны в культуру, составляют ее часть, организованы по ее законам, ее носители и творцы. При этом они различаются мерой подвижности: наиболее подвижен и подвержен целенаправленным изменениям социум; его изменения, с одной стороны, вызваны общественной потребностью, а с другой – активно воздействуют на состояние общественного сознания. Общности относительно стабильны, они и определяют устойчивость и самоидентичность всей сферы культуры. Сказанное относится прежде всего к теме нашей статьи: образ России наиболее устойчив в общности; подвижен в общественном сознании, однако особенно противоречив в постулатах социума, в конструкциях его официальной идеологии, где социум реализует свою претензию на формирование этого образа в целях самоутверждения и самосохранения.

Эта трехслойная структура образа России (общность, социум, общество), складывающаяся по принципам взаимодополнительности и составляющая суть национального самосознания, оказывается внутренне конфликтна и динамична. Историческая динамика и устойчивость образа зависят от того, какая из составляющих оказывается доминирующей. В традиционном (стабильном или находящемся в стагнации) обществе средневекового типа доминирует самосознание общности, устойчивые константы национальной идеи. В тоталитарном – господствуют формы и формулы официальной идеологии социума; революционная, переходная ситуация сопровождается и стимулируется конфликтом ценностных констант, противостоянием образов родины, ее интересов и целей. Так было, мы помним, во времена русских революций и гражданских войн: у каждой из враждующих сторон своя правда, свой образ России, свое понимание патриотизма.

В переходные эпохи (к этому типу относится российская современность) явственно обнаруживается гипертрофия ценностей общности (семьи, племени, национальности), и образ Родины приобретает локальный характер, что порождает деление общества на своих и чужих, вплоть до экстремизма. Советский тезис «раньше думай о Родине, а потом о себе» заменен индивидуалистическими ценностями собственной пользы и материального благосостояния. В этих условиях духовного кризиса общества, социум (государство) вынужден активизировать усилия по созданию объединяющей идеологии, образа сильной экономически, политически, интеллектуально, в военном отношении России,

способной постоять за себя, за своих граждан в современном конфликтном, конкурентном глобальном мире.

В современной России, живущей в ситуации «взрыва»[8], образ России оказывается радикальным измерением мировоззренческих ценностных пространств общественного и личностного самосознания. В официальной идеологии – «единая, сильная Россия»; в представлении религиозной общности – «святая Русь». Формула «эта страна», которая так часто звучит с экранов СМИ, фиксирует отстраненность и, как правило, готовность покинуть ее у тех, кто ищет удобства для реализации собственных целей.

Видимо, конкретные социальные исследования представлений наших современников о России, если таковые будут проведены, следует строить по социокультурным общностям.

Слабость российского общественного сознания, общественного мнения, наличие которого необходимо для демократического государства, объясняется разобщенностью, отсутствием согласия в характере образов России, сформированных суверенными общностями.

Конечно, изменчивость и постоянство образа России – качество национального самосознания. В интерпретации русской интеллигенции (социокультурная общность) с момента ее возникновения и до наших дней бытует, претерпевая незначительную коррекцию, женственный, двойственный образ России, которую невозможно ни понять умом, ни измерить общим аршином. «Страна богата, порядка ж вовсе нет»; «ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная»; «люблю Россию я, но странною любовью…», «…немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ». Не убоявшись банальности, этот ряд можно продолжать сколь угодно долго, и тут возглас современного поэта, насчет того, что уже давно пора «умом Россию понимать», мало что может изменить. Россию ее дети понимают (то есть принимают или не принимают) только сердцем, которому, конечно же, надлежит быть разумным. Однако и ум-то у русских особый:

Своеначальный, жадный ум, –
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он – и так угрюм…
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

(Вяч. Иванов)

Ф. М. Достоевский в «Игроке», размышляя по поводу эстетической восприимчивости, об открытости русских европейским обычаям, замечает, что мы постоянно ищем, но так и не нашли свою эстетическую форму. Когда говорят: это англичанин, немец или француз, то возникает вполне определенный образ. А каков русский? Он может быть очень разным: его образ зависит от обстоятельств, и от того, кто смотрит. Не потому ли и образ России, отраженный и сконструированный ее культурой, ее поэтами, художниками и философами, так изменчив в своем постоянстве на протяжении всей истории ее письменной памяти?

Гораздо более отчетлив образ России, представленный в формулировках социума, в текстах официальной идеологии. Это образ державной России от идей «Третьего Рима», евразийского «третьего пути», до старшего брата всемирной социалистической семьи народов.

Как было отмечено выше, взаимоотношения этих «слоев» образа России – от культурной традиции, от современного общественного самосознания, от государственной власти (социума) – оказываются комплиментарными в редкие эпохи тишины и стабильности, а на переломах времен обостряются, становятся конфликтными. Однако, как бы то ни было, стоит подчеркнуть, что образ России – константная характеристика общественного самосознания, укорененная в культуре, фиксирующая ее своеобразие, национальную уникальность[9].

Эта мысль оказывается чрезвычайно плодотворной для понимания особого типа образованности, сформированного отечественной культурной традицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Станислав Лем в предисловии к русскому изданию своей знаменитой книги «Сумма технологий» говорит, что Россия – страна «от которой, больше, чем от какой-либо другой, зависит будущее всего мира». [Сумма технологий. М.; СПб., 2002. С. 11.]

[2] К. С. Пигров вводит понятия «индивидуальный стереотип» и «социальный стереотип», размышляя о самой возможности преодоления «темпоральной болезни», возникающей в переломные эпохи, когда субъект, преодолевая страх перед бытием, стремительно меняющим привычные формы, вынужден пройти «по лезвию бритвы» между «футуршоком» и «суетливым прогрессизмом». [*Пигров К. С.* Шепот демона: опыт практической философии. СПб., 2007. С. 57.]

[3] *Тённис Ф.* Общность и общество. СПб., 2002. С. 10, 11. Здесь традиционные, патерналистские узы противопоставляются капиталистическому укладу хозяйствования, в котором формируется новый способ социального бытия, общество, основанием которого становятся товар и стоимость, деньги и рынок, капитал и рабочая сила.

[4] Например, пушкинское лицейское братство:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни завлекло,
Все те же мы: нам целый мир – чужбина,
Отечество нам – Царское Село.

[5] Родная речь певцу земля родная:

В ней предков неразменный клад лежит,
И нашептом дубравным ворожит
Внушенных небом песен мать земная.

Вяч. Иванов

Здесь родина – это язык, как и у И. Тургенева: «Во дни сомнений, в дни тягостных раздумий, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий и свободный русский язык».

[6] Социологические исследования последних десятилетий показали, что эмигранты второго поколения относятся к той стране, которая приняла их отцов, значительно более негативно, чем предшествующее поколение. В чем причина, ведь они лучше знают язык, культуру, социальные условия страны, как правило, имеют гражданство и постоянный доход? Думается, что именно теперь в памяти поколения пробуждаются и действуют «архетипы коллективного бессознательного», традиционные ценности национальной культуры, которые не соответствуют новым условиям существования.

[7] Ю. М. Лотман в статье «Договор и «вручение себя» как архиетипические модели культуры» говорит о принадлежности русской культуры ко второму типу, тогда как западно-европейский мир – культура Договора.

[8] Ю. М. Лотман подчеркивал, что взрыв – «это не всегда только разрушение, он может означать и рождение нового живого существа, или любое другое творческое преобразование структуры жизни». При этом взрывы в одних пластах культуры могут сочетаться с постепенным развитием в других. И в этом смысле, «настоящее – это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому он обладает очень высокой степенью информативности… Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент их другой системы, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего движения» [*Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., С. 22, 25, 28–29].

[9] И. Ильин формулировал «русскую идею» следующим образом: «Русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего* сердца. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия *мысли*, для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ: Ермак, 2005. 269 с.